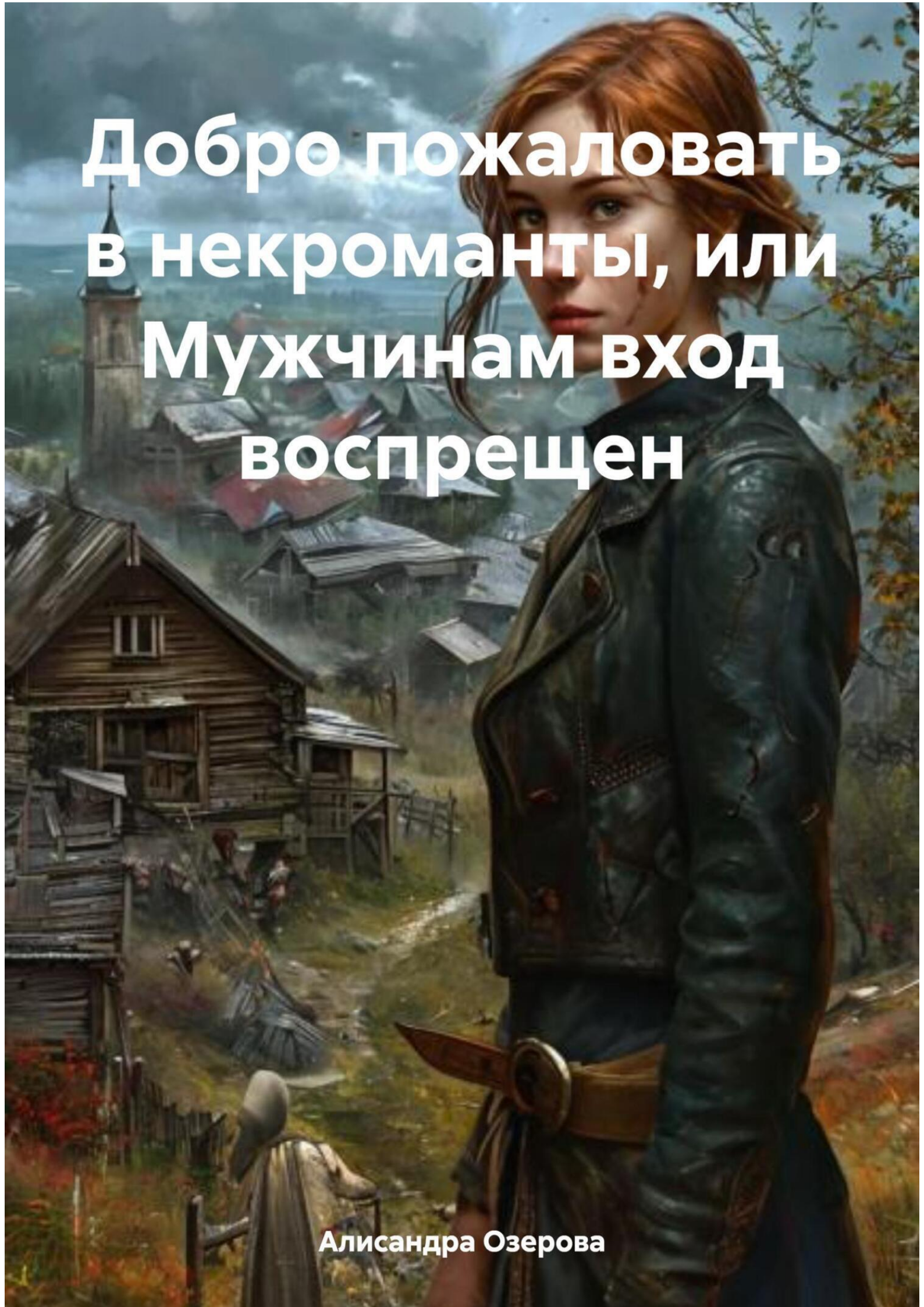

A detailed illustration of a young woman with red hair and a dark leather jacket, looking over her shoulder. She has a knife tucked into her belt. In the background, there is a village with wooden houses and a church spire under a cloudy sky.

Добро пожаловать в некроманты, или Мужчинам вход воспрещен

Алисандра Озерова

Алисандра Озерова

**Добро пожаловать в некроманты,
или Мужчинам вход воспрещен**

«Автор»

2024

Озерова А.

Добро пожаловать в некроманты, или Мужчинам вход воспрещен /
А. Озерова — «Автор», 2024

Нэвии, юной сотруднице районного департамента ведомства "Вне жизни", не слишком везет. Мать выгнала из дома, на работе ей строит козни родственник начальства, а городишко, оказался во власти восставших мертвецов, которым по хорошему нужно лежать и тихонько разлагаться... К такому судьба девушку точно не готовила. Как и не готовила к разоблачению заговора против первых лиц государства, к безответной любви и скитаниям. Но даже после самой темной ночи всегда бывает рассвет, а после голодных лет наступают сытые. Поэтому Нэвия не унывает и считает своим жизненным кредо: "Расхлебывать кашу будем по мере готовности".

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	24
Глава 5	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Алисандра Озерова

Добро пожаловать в некроманты, или Мужчинам вход воспрещен

Глава 1

– Бледно-голубой, – бодро возвестила копошившемуся рядом Кэвину. Мой сотоварищ скептически взглянул на меня, а потом с интересом уставился на пробирку в моих руках:

– У трупа, сожравшего десяток мирных прохожих бледно-голубой спектр? Мортиния пожадничала? – переспросил он, не скрывая презрения ко мне. В принципе я не ожидала иной реакции от того, кто вынужден был числиться в моих подчиненных только потому, что я женщина. И дело здесь не в дискриминации по половому признаку. Дело в том, что некродар и представители сильного пола – понятия несовместимые. Обладают этими способностями исключительно дамы, не считая редчайших исключений (уж пардоньте за каламбур). И Кэвин к этим исключениям аж никак не относился, поэтому даже брать в руки мортиний не мог, дабы не стать тем, кого мы сейчас тестировали на погосте. Для бездарных это лютейший яд.

– То есть, десятки жителей окрестных деревень были заедены мирным трупиком, который даже еще внешне на живчика похож один в один? – продолжал допытываться мой напарник, а по совместительству и брат моей шефины Наины. Начальница моя тоже, к слову, точила на меня красивые зубки, ибо когда мы с Кэвином в одно время пришли претендовать на вакантную должность в районное отделение ведомства «Вне жизни», ей пришлось взять меня, а своего бездарного братца завернуть назад до лучших времен. Впрочем, скоро освободилось еще одно место – ходячие задохлики загрызли нашу сотрудницу, попавшую в волчий капкан. И одаренной соискательницы тогда не нашлось. Так в нашей управе появился молодой, амбициозный и не шибко жалующий меня родственничек начальства. Своей неудачи во время первой попытки он мне не простил, поэтому не упускал случая поддеть. Впрочем, этот кумовской произвол закончился, едва к нам подошла Ольга.

– Не должен бы он восстать, а если и восстал, то заражений от него не может быть. Он еще не ядовит. А у нас девять зомби, и конечности, разбросанные между могил. Ладно, если бы синий... И то они не такие кровожадные, – проговорила девушка те простые истины, которые знает каждый из нас. Но восставший индивид похоже правил не читал (поскольку воскресший кузнец Трифон и читать-то не умел), а если и читал, то соблюдать вряд ли собирался. В отличие от Кэвина Ольга не стала переспрашивать, верно ли я рассчитала дозу мортиния. Вскоре подоспела и Кари.

– Бледно-голубой, – хмуря лоб сообщила она. Мы трое уставились на объект ее исследования. Хилый, вероятнее всего болезненный при жизни парнишка лет четырнадцати и не мог давать другой спектр, ведь его почти не коснулись следы разложения. Уж Кари предъявить то, что она не умеет пользоваться веществом, скастованным королевским магом для нашей братии, Кэвин не решился. Кари – правая рука Наины, и перечить ей – это перечить собственной сестрице, а это было не в интересах зарвавшегося юнца.

– Предлагаю вернуться в контору, написать отчет и обсудить это с шефом, – подытожила ситуацию Ольга. Мы синхронно кивнули ей и потопали восвояси.

– Нэвия, на тебе отчет, – бросила Кари, обернувшись в сторону леса, который стеной возвышался за некрополем.

– За что?! – возопила я, но это был глас вопиющего в пустыне, поскольку объяснять мою «избранность» никто не стал. И дело было тут не просто в моей лени, а в том, что дри-

ады устроили брачные игры. А эти дамочки во время совокуплений не пускают в лес никого – заслон такой, что столичная крепостная стена покажется картонным муляжом. И когда эти похотливые царицы деревьев натешутся – не знает никто. Были случаи, когда дриады оставались в загуле несколько лет, дабы восстановить лес после пожара. Надежда на то, что в этот раз ситуация не затянется надолго, ибо катаклизмов никаких не происходило, и лес остается достаточно густым и непроходимым, чтобы дриады быстро удовлетворились. Не исключено, конечно, что сии особы просто решат подольше получать удовольствие от размножения. Но в любом случае, теперь вся бумага наперечет. За каждый испорченный лист придется лично отчитываться перед Наинной, а она любит почитать нотации. Может поэтому старшие коллеги и сбросили все на меня, как на самую неопытную. Загрузить этой работенкой Кэвина побоялись – тут же нажалуется сестренке. А она с него пылинки сдувает... В общем, в таком мрачном настроении я топала за коллегами. Горожане, завидев нас, опасливо расступались. Не то чтобы мы были прокаженными, но с обладателями некродара не слишком любили иметь дело. Ходили слухи, что неугодных мы запросто можем отравить, и уже наутро они проснутся с жаждой отведать человечинки. Чепуха? Согласна, но на чужой роток не накинешь платок. Единственным нашим преимуществом (ну моим, по крайней мере) было то, что мы сами невосприимчивы к яду мертвых, хотя разорвать нас на части они вполне способны. Даже капля некродара служит гарантией нашей сохранности. И это главная причина, почему в «неживом» ведомстве практически нет мужчин. Они-то как раз и являются в этой нелегкой работе слабым полом. Берут их лишь тогда, когда не находят одаренных, как в случае с Кэвином. Ведь если выбирать между бездарным парнем и девчонкой, то выберут первого. У того будет больше шансов отправить слишком жизнеспособный труп в нокаут без риска самому последовать за ним.

Учреждение наше находилось на окраине города, аккурат рядом с погостом по вполне понятным обстоятельствам. Внешне это ничем не примечательное двухэтажное строение казенного типа из серого необлицованного кирпича. Крутой порожек стал причиной того, что весь первый месяц работы я ходила с огромным синяком на левом колене. Но потом приноровилась и спотыкалась уже у порога в собственном домишке – слишком ровным он стал мне казаться...

Устроившись за своим письменным столом, я принялась за отчет. Я грызла кончик пера и мучительно соображала, как начать. Писательский талант наверняка раздавали тогда, когда я стояла в очереди за неприятностями. Да и гомон в нашем общем с Ольгой и Кэвином и не слишком просторном кабинете не способствовал моим потугам... «После анализа останков тела новопреставленного кузнеца Трифона, мортиний окрасился в бледно-голубой цвет», – дрожащим в моей руке пером вывела в конечном итоге я. И когда уже собиралась поставить в многострадальном отчете точку, меня в спину совершенно «случайно» толкнул Кэвин, пробираясь к своему рабочему месту. Огромная, похожая на жабу, клякса украсила плоды моих трудов. Я буквально взвыла, предвкушая разбирательства с Наинной. Ольга одарила хмурым взглядом Кэвина, но тот смотрел на нас такими виноватыми глазами, что моя подруга снова уткнулась в жалобы горожан, которые (имеется в виду горожане, а не жалобы) то здесь, то там видели мертвяка и просили с ним разобраться. В большинстве случаев жаловались обычные пьянчужки, которые после обильных возлияний видели даже демонов, восставших из преисподней. Но наше ведомство обязано было реагировать на все жалобы и доносы – такое было повеление дражайшего монарха Ольгерда. С одной стороны это казалось разумным, ибо лучше проявить излишнюю прыть, чем допустить чью-то смерть, но с другой при таком количестве «свидетельств» о делах потусторонних нам и спать не полагается. Хотя, справедливости ради, благодаря такому сообщению мы сумели упокоить восставших покойников и не допустить бОльших жертв.

В препаскудном настроении, глядя в серый бетонный пол, я поплелась к Наине вымалывать новый свиток. И уверена, что мне не послышалось как за спиной гыгыкнул Кэвин.

Если бы я знала, что дальше будет, то с места бы не сдвинулась еще часа полтора, но...

Хорошая мысль посещает нас уже тогда, когда фигуральная драка состоялась. В общем я, страдая по поводу предстоящей головомойки, во что-то врезаюсь. Или не во что-то. Приподнимая голову, я лицезрю над собой чье-то очень злое лицо, которое располагалось примерно в полуметре над уровнем моей макушки.

– Если уж природа наделила Вас глазами, клисса (*обращение к девушке незнатного происхождения*), советую хоть иногда использовать их по назначению, – негромко процедил сбитый мной с дороги незнакомец. Нет, если бы он промолчал, я бы извинилась, и сильно бы раскаивалась, но вот здесь Остапа понесло. Да кто-он вообще такой, чтобы мне замечания раздавать. Не управление по делам восставших мертвецов, а проходной двор какой-то, о чем я и сообщила высокомерному господину в самой грубой форме, на которую только была способна. А чего с ним церемониться? Пусть это и аристократ высшей пробы, судя по манерам и одежде, но распоряжаться здесь права не имеет. Я при исполнении, а это мужчина, пусть и привлекательный сверх меры (уж это я разглядела за те пару секунд, что всматривалась в жертву столкновения), отсюда следует, что бездарь, и никаких чинов по моей линии партии у него нет. И все же, ну что мне стоило прикусить язык или хотя бы пробормотать дежурное извинение?!

– Вот это уже интересно, – с ухмылкой продолжил издеваться надо мной незнакомец, – инстинкт с самосохранения Вам тоже попался бракованный?

С этими словами мужчина отпустил меня и даже как-то придержал, потому что у меня неожиданно отказали ноги и во рту пересохло. Я, смерив нежеланного морализатора уничтожительным взглядом, потопала-таки на ковер к начальству. Ладно, каюсь – не удержалась и пару раз оглянулась на направившуюся к выходу фигуру.

– Бери уж, – милостиво разрешила неожиданно добрая шефиня, и с барского плеча сосулила мне с десятков бланков.

– Спасибо – неуверенно поблагодарила я, привычно ожидая какого-нибудь подвоха. Но Наина продолжала улыбаться, и неожиданно поинтересовалась:

– Достал тебя мой родственничек?

– Э-э-э, – протянула я, не зная как повежливее сказать правду и не рассердить начальство, находящееся в добром расположении духа.

– Да правду говори, – махнули мне рукой, – не стесняйся. Думаешь я не знаю, что это еще тот жук навозный? Но родня, куда деваться... К счастью, теперь его карьера – не моя печаль.

Хорошо, что я сидела на стуле, в противном случае рухнула бы на застланный дешевеньким ковром пол. Но вот от отвисшей челюсти стул не спасает. Поэтому с распыленным в удивлении ртом я воззрилась на босса.

Очевидно, сжалившись надо мной и отчасти желая поделиться радостной новостью, от которой мое начальство буквально распирало (легко догадаться по лучезарной улыбке) Наина пояснила:

– Это мой последний день. Я уже сдала дела, остались мелкие недоделки. Поэтому запас бумаги береги. Дриады надолго забаррикадировались. Они что-то чувствуют. Я так подозреваю, что это связано с сегодняшним восстанием новопреставленного кузнеца, и, если быть честной, уже не хочу разбираться. Смена моя уже прибыла, это маг-некромант высочайшего уровня. И Кэвин теперь забота нового руководства. А я могу умыть руки и не поссориться с матушкой. Тем паче, повод закончить карьеру достойный...

Я с удивлением выслушивала этот поток красноречия и понимал, что вообще первая узнаю о кадровых перестановках. И еще один момент – начальствовать будет кто-то пришлый, не один из нас. И если это маг экстра-класса, то каким макарон его занесло в наше захолустье?

– ... естественно Альтер будет против того, чтобы я и дальше копалась в останках или гонялась за неупокоенными тушками отдавших концы горожан, – вновь расслышала я голос Наины. Оказывается, моя почти уже экс-шефиня вещала мне о своих успехах на матримониальном фронте. Избранником же первой красавицы округа стал не кто иной, как младший брат короля Ольгерда – принц Альтер. С Наиной его свел несчастный случай. Альтер слыл довольно привлекательным, а его происхождение привлекательность кратно усиливало. Поскольку его брат уже давно и счастливо (хоть и по расчету) был женат на принцессе соседней Тарсии – Альбе, и наследниками в количестве уже восемь штук обзавелся, то Альтер в качестве брачной партии для колеблющейся в своих политических настроениях венценосной соседке ему был не особенно нужен. Брачные контракты уже были заключены с четырьмя государствами, которые могли бы в случае чего стать помехой для Ольгерда на пути достижения континентального первенства. И плодovitость Альбы стала для Рейма настоящим подарком. Восемь мальчиков и две девочки за одиннадцать с лишком лет брака. Сейчас уже королеву плохо помнят стройной, словно былинка на ветру, какой она предстала перед жителями столицы на брачной церемонии. Как шептались Ольга с Кари – им довелось в то время побывать в Нолании (главном городе нашего королевства) – многие подданные его величества охали и ахали, предрекая новоиспеченной королеве скорую смерть от родильной горячки. Однако королева оказалась не только плодovitой, но и выносливой. Не будем забывать и про похождения короля на стороне. Как тут обойтись без адюльтера, если законная супруга постоянно на сносях? И по самым скромным подсчетам по Нолании и ее окрестностям бегают несколько десятков королевских бастардов обоих полов. Воспитываемых, естественно, в дворянских семьях, чаще всего неожиданно по этой причине наделенных этим почетным титулом. Так что недостатка в претендентах на трон наша держава не испытывает.

Но вернемся к Альтеру. Поняв и приняв тот факт, что женить его насильно никто не собирается, и долг перед Реймом найдется кому выполнять, Альтер пустился в настоящий эротический тур по всем окрестностям страны. Забрело его неводержанное высочество и в наши края. Да так удачно забрело, что сразу напоролось на лесавку. Большую часть года они выглядят как крупные ежики, довольно милые и озорные, но перед холодами, чтобы запастись жиром и силами на долгую спячку, они принимают облик прекрасных дев, дабы вкусить плоти и крови отпрысков рода человеческого мужеского пола. Парням от сей чародейственной красоты крышу сносит напрочь, и неважно, что местные знают о чудных обитательницах нашего пригородного лесхоза. Зову оголодавшей лесавки сложно противиться, особенно, если пошел за ней добровольно. А наш принц не просто пошел, а поскакал, аки молодой олень за трепетной ланью. В общем, повезло высочеству, что у нас был рейд в лесное приграничье. В черте леса мы по старинному уговору не имели права мешать нечисти ловить глупую добычу и употреблять ее по назначению, при условии, конечно, что те придерживаются квоты. Они со своей стороны уговора не нарушали и меру знали. Местных старались не трогать, а вот недалеких туристов, не внявших предупреждению не бродить в лесу в сезон охоты различной магической фауны, харчили с аппетитом.

И вот, идем мы, значит, в поисках очередного слишком бодрого трупа, и слышим крик, постепенно сменяющийся сипом. По команде Наины мы припустили бежать, чтобы успеть, пока лакомка не утащила добычу в лесную чащу, и увидели, как невыразимо прекрасная обнаженная девушка с волосами цвета мореного дуба с наслаждением допивает коктейль из королевской крови. Кровь, вестимо, из тела незадачливого охотника за девичьими прелестями. Увидев наш передовой отряд, лесавка отпрянула от полумертвой жертвы и скрылась в глубинах леса. Поскольку инцидент произошел в приграничье, сложно доказать, что лесавка нарушила уговор. Да и то, что Альтер последовал за ней добровольно, а не под воздействием магии, было ясно, как день.

Принца спасла Наина. Ее дар заключался в том, что она могла исцелять от ран, нанесенных нечистью (и трупами в том числе). Дар был настолько силен, что девушка способна буквально со смертного одра поднять, если дыхание еще теплилось. Впрочем, ежели тебя пырнули ножом во время пьяной дранки, или ты свернул шею, падая с прогнившего крыльца, то тут тебе Наина не помощник. Здесь ее сила не работала. От обычных ран лечись обычными методами. А вот принца на ноги она подняла. После этого высочество ни на кого больше и не смотрел. Словно забыл, что на свете есть еще столько смазливых мордашек. Слал спасительнице цветы, швырял к ее ногам драгоценности, пел под ее окнами серенады (но в этом мало приятного – при всех достоинствах принца его вокальные данные оставляли желать лучшего настолько, что мне кажется, что Наина приняла бы его предложение руки и сердца только ради того, чтобы он больше не пел). Но моя шефиня тогда демонстрировала абсолютное равнодушие к восплававшему к ней страстью отпрыску королевской фамилии. Я даже стала свидетельницей обрывка разговора между Наиной и Альтером, в котором неприступная дама прямо заявила, что с таким распутником она связываться не желает. Дескать, она не доедает последний кусок хлеба и брак ради денег ей также неинтересен. С ее силой и титул ей не очень-то нужен. В итоге королевское высочество покинуло гордычку несолоно хлебавши. Мы решили, что Альтер сдался, да и Наина тоже так подумала. Целый год даже имя его нигде не всплывало. А до этого нет-нет да и разразится очередной скандал на почве оскорбленной девичьей чести распутным высочеством. А тут вон что...

– ... оказывается он все это время свои поместья в порядок приводил, со всеми обиженными девушками и их родственниками вопросы порешал. Клянется, что пока я дышу, мне одной верен будет. Любит меня...

Я с улыбкой взглянула на начальницу. Даже если отбросить тот факт, что Альтер магичке жизнью и здоровьем обязан, то остается еще и то обстоятельство, что Наина была очень красива. Черноволосая, с бледно-розовой кожей, алыми губами, высоким лбом, не слишком длинной, но изящной шеей и стройным тонким станом девушка заставляла быстрее стучать сердца даже древних старцев, давно утративших плотские желания. А здесь молодой, с волчьим аппетитом на все движимое брат короля... Шансов у него не было. И тут Наина взглянула на меня в упор и тихо, почти с угрозой в голосе поинтересовалась:

– Осуждаешь? Ведь не люблю, а просто...

От ее взгляда мне стало не по себе. Дело в том, что у всех носителей некродара ХОЗЯЙКА оставляла отметину в глазах. Это могло быть что угодно: необычный цвет, форма, размер... У Наины, к примеру, один глаз был черный, как непроглядная ночь, а второй синий-синий, как февральское небо морозным утром. Поэтому я почувствовала себя неуютно. Осуждать же...

– Но за что? – удивилась я. – Если сейчас не любите, то полюбите, ведь совершенно точно, он Вам симпатичен...

– Может, за что, что дело неоконченным бросаю? – продолжала допытываться Наина.

Я снова помотала головой:

– Это дело путем и не началось, с ним уже Ваша преемница разберется...

– Преемница? – переспросила начальница, а потом кивнула:

– Ну да, конечно... А ты мне нравишься, – неожиданно призналась она. – И хватит мне выкать. Сегодня жду тебя на вечеринке в честь моего ухода с поста. Заодно представлю всем вам мою... преемницу.

Практически оглушенная новостями и приглашением заодно – раньше я для этих мероприятий не слишком котирировалась – вежливо попрощалась и скрылась, не забыв, однако, прихватить с собой запас бумаги, щедро выделенный мне почти уже принцессой Рейма.

Домой я добиралась долго. Мой домишко находился на окраине города, и туда **человеческая** дорога не доходила. Каждый раз после мало-мальски приличного дождя мне приходилось добираться едва ли не вплавь. А я не упомянула, что пару дней назад прошел настоящий ливень? Как пишут в книгах – и разверзлись хляби небесные.... Радовало лишь то, что наша униформа предусматривала сапоги с высоким голенищем, а еще больше утешало, что форму выдавали бесплатно, хоть и тут без бочки дегтя не обошлось – случалось сие не чаще, чем раз в год. Зачастую обувь не доживала до этого великого момента, и приходилось покупать «ходики» у лавочников. Перемазавшись по пояс, я ввалилась в родные пенаты. Чертыхалась при этом знатно – сегодня еще на вечеринку топать. Конечно, неожиданное приглашение Наины мне польстило до чрезвычайности, но... Это просто бездна расходов. Во-первых, мне придется внепланово раскошелиться на извозчика, и желательно с крытым экипажем (это еще плюс три эльга – *денежная единица Реймского королевства, эльгари – мелкая монета*), а во-вторых – ломать голову над тем, что надеть. Обычно девушки задаются этим риторическим вопросом, стоя перед полным шкафом, но это не мой вариант. Мой гардероб был беден до неприличия, скорее даже нищ. Уставшая, как собака – сражаться с излишне живыми мертвецами, а потом исследовать останки не самое расслабляющее занятие – я рухнула на ошестинившийся пружинами диван и приготовилась поспать хоть минут надцать, но тут из-за печки вылез Трошка – мой домовый.

– Явилась, горемыка? – поинтересовался мой верный товарищ. Я криво усмехнулась и кивнула.

– Голодная? – вновь проявил заботу домовый.

Я покачала головой:

– Устала. Ничего не хочу.

Однако Трошка с присущим лишь ему ворчанием и бормотанием, похожим на скрип прохудившейся половицы, извлек из застенок табурет, поставил его передо мной, а сверху водрузил глиняную шербатую миску, в которой дымилось нечто необычайно ароматное.

– Ты научился готовить? – воскликнула я, искренне пораженная. И впервые мужичок, ростом едва доходивший мне до пояса, с белой, как сметана головой и черной, как смоль бородой, заимел еще и красное, как помидор лицо.

– Не я, – нехотя признался Трошка, – познакомился сегодня кое с кем. Всего пару дней в нашем городишке, живет в центре...

Тому обстоятельству, что домовый с окраины завел знакомство с обитателем центральных особняков, я не удивилась. Их тропки идут как бы сквозь пространство. Но это только если пригласят. Судя по всему, новый знакомец почтил Трофима приглашением. А еще из этого следует, что я сегодня вкусно пообедаю. Даже не задумываясь, чью стряпню уплетаю за обе щеки, я поведала Трошке о сегодняшних событиях. Мой товарищ почесал подбородок узловатым пальцем и вздохнул:

– Всех упокоили?

Я кивнула. Снова повисло молчание.

– Будем решать проблемы по мере их поступления, – философски подвел итог Трофим. – А вот с одеждой что делать будешь?

– Наведаюсь кое-куда, – ответила я. – Может у Милены какое-то поношенное приличное платье выкуплю.

– Перед новым начальством будешь в обносках щеголять? – хмыкнул домовый.

– Выхода нет, не голой же иди...

На это домовому возразить было нечего. На том и порешили. И после пережитого за день я провалилась в сон, умиротворенная вкусной, сдобренной маслом и травами кашей...

Глава 2

Очнулась я с моей точки зрения непозволительно поздно. За окном уже начинало смеркаться, а это значило, что времени у меня в обрез. Добираться до места придется долго, ведь праздник состоится в городской ратуше – обычно наше управление довольствуется небольшой пристройкой к основному зданию, но для нынешнего торжества это слишком убого. Не каждый день принц крови выбирает суженую, и не каждый день его избранницей становится пусть одаренная, но все же не благородная девушка. Я прекрасно понимала, что абы в чем на этот прием не притопашь, но все мои сбережения – это пара сотен эльга. Этих денег мне при моих скромных запросах хватило бы до конца месяца, но покупка платья рушила все планы. Даже этого не хватит на новый вечерний наряд. Вот я и направилась к Милене. Вывеска ее магазина была достаточно скромной. Поэтому дамы из высшего света сюда не заходят. И совершенно зря. Ведь товар у Милены был на любой вкус и запрос. А все потому, что эта молодая торговка не гнушалась контрабандой из Тарсии, Фларии, Гаэры и даже враждебного Магерра. Помогала Милене в процветании магазина и одна волшебная вещица, которая делала магазинчик внутри больше, чем снаружи, поэтому Лена еще ни разу не попалась налоговым дознавателям и таможенным надзирателям. Что самое интересное, этот талисман попал к Милене тоже контрабандой.

Когда я переступила порог, то у прилавка встретила саму Лену, а не ее бойкую помощницу. Лицо у женщины было припухшим, как будто она полночи провела в слезах. Но увидев меня, Милена радушно улыбнулась. Быстро подошла ко мне и порывисто обняла.

– Спасибо, – прошептала она. – Мы все успели.

Я мягко отстранилась, а Лена продолжила:

– Благодаря твоему предупреждению мы успели подготовить завещание, привести магменталиста и законника, чтобы он засвидетельствовал волю матушки Вотана. Его сестрица и ее мерзкий сынок не успели запустить лапу в наследство. Без тебя, Нэвия, мы бы даже не подумали заняться этим так скоро.

Я грустно улыбнулась. Мой дар был скорее бременем и редко кого радовал. Таких как я называли черными вестницами. Ибо я видела людей, которые вот-вот покинут этот мир. При этом временной интервал был до года. Я начинала видеть вокруг силуэта темную линию, как будто фигуру обвели черным карандашом по белой бумаге. И однажды я различила такой знак у клиссы Эльцхен. Проблема в том, что я никогда не знаю из-за чего придет смерть. И какой она будет не знаю тоже. Знаю одно – она будет неотвратимой. Поэтому зачастую помалкиваю – роль гонца, принесшего страшную весть не приятна никому. Но Милена вытащила магазин в прямом и переносном смысле на своем горбу. Ее супруг Вотан из Гаэры был мужчиной не самым приятным. Однако бесприданница и круглая сирота едва ли могла рассчитывать на лучшую партию, чем клисс (*обращение к мужчине неизвестного происхождения*) Эльцхен. За плечами у него было уже два брака. Обе его предыдущие супруги умерли – одна в родах, другую загрызли оборотни, нарушившие границу Вечного леса. Их вожак публично принес извинения Вотану, выплатил виру, а нарушителей изгнал из стаи. Покинувшие стаю оборотни лишаются иммунитета и могут стать добычей любого охотника. Ибо из Вечного леса их тоже изгоняют, и они вынуждены обитать в приграничье. Вотан их и пристрелил. Правда тогда они были уже в человеческой ипостаси, но горевавшего супруга никто не осудил. А вскорости он взял в жены Милену. Девушка даром, что сиротка, оказалась с хорошей коммерческой жилкой. И магазин клиссы Эльцхен спасла как раз она. Вотан хотел потратить виру на дорожное надгробие для Валиссы – той самой загрызенной супруги – но Милена убедила вложить эти деньги в дело. А когда магазин стал приносить прибыль, Вотан справил памятник – Милена тут уже не возражала. И пусть по бумагам хозяйкой лавки была свекровь, но крутилась как белка в

колесе именно Милена. Вотан предпочитал не вмешиваться – главное, чтобы ему по первому требованию давали деньги на выпивку. А я бы не осудила Лену, если бы она однажды отравила муженька, поскольку после каждой попойки тот колотил жену по черному. Потом извинялся, божился что больше никогда-никогда... А дальше – ваша песня хороша, начинай сначала. Но Лена терпела. Отчасти ради двух девочек-близняшек, родившихся в прошлом году, а отчасти потому, что не хотела бросать магазин, который погибнет либо в алчных лапах старшей сестрицы Вотана и ее великовозрастного дитяти, либо в руках самого муженька-алкоголика. И когда я увидела, что свекровушке Лены недолго осталось небо коптить, я сразу сказала торговке. Сначала Лена огорчилась, ибо клисса Эльцхен была единственной, кто невестку искренне любил и был ей благодарен, но потом поняла, что это ее шанс стать хозяйкой своей судьбы. И как я поняла из сбивчивого рассказа Милены, ей не составило труда убедить свекровь завещать магазин и дом ей, а не золовке и даже не родному сыну. Вотану было все равно, пока ему дают на пропой, а мнение золовки Лену интересовало, как прошлогодний снег.

– Мы всего три дня как снова стали торговать после траура, а я словно второй раз потеряла мать. Вотан пьет, а помощницу я попросила теперь присматривать за дочками. Собираюсь уже закрываться сегодня, но тебе помогу. Что тебе предложить?

Я выложила на прилавок все, что у меня было:

– Что я могу купить за эти деньги? Мне необязательно новое, но такое, чтобы я не выглядела откровенной нищенкой на балу в ратуше, – попросила я.

Лена с минуту смотрела на горсть монет, потом решительно отодвинула их в сторону и поманила меня за собой. Я в растерянности забрала деньги назад и пошла за новоиспеченной владелицей лавки готового платья. Лена провела меня по длинному, но достаточно просторному коридору, и я завела в небольшую кладовую. Все так же молча она постояла какое-то время перед манекеном, на который была накинута черная вуаль, и потом резко сорвала ее. Когда моим глазам открылось то, что скрывала накидка, я лишилась дара речи. А по губам Милены пробежала горькая улыбка:

– Это платье принадлежало моей матери. И это единственное, что у меня осталось от нее. Я мечтала надеть его на свадьбу, но моим мужем стал Вотан. И соединять свою судьбу с ним, будучи в этом платье, я посчитала кощунством. Это платье по поверьям притягивает суженого... Но я была слишком голодна и цинична, чтобы ждать знака свыше. Я предпочла пойти на поводу у необходимости, хотела как можно быстрее получить крышу над головой, кусок хлеба. И смазливое личико единственное, что у меня тогда было, – она криво усмехнулась и продолжила, – а клисса Эльцхен так напомнила мне матушку, что я решилась на брак с Вотаном, и до сих пор не то чтобы не жалею, но могу смириться со своим выбором и принимаю его в душе. Не хочу больше видеть перед собой искушение узнать, что потеряла. К тому же, моя судьба не обязательно должна была быть счастливее той, что я выбрала без подсказок. И я приняла решение подарить его тебе, ибо моим дочкам оно уже не подойдет – я не надевала его, и оно не связало меня с их отцом. Я потрясенно смотрела на нее, но она вновь кивнула на наряд. И я опять воззрилась на платье, которое призывало истинную судьбу. Мне не удалось разглядеть его, я лишь видела, а скорее даже ощущала, что оно ошеломительно. Мои пальцы дрожали, когда я коснулась ткани. И уже это касание вызвало восторг.

– Его нужно надеть. Тогда оно примет твою форму, – пояснила владелица лавки.

Я передевалась с быстротой молнии, испытывая острое наслаждение от того, что сейчас прямо на мне творилось волшебство.

– Ты прекрасна, – услышала я шепот Лены. Она мягко подтолкнула меня к ростовому зеркалу, и я обомлела. Это была я. Точно я. Это мои рыжие волосы каскадом спадали с плеч. Мои глаза переливались оттенками серого, синего, желтого и зеленого цветов (*метка от Хозяйки*). Это мою талию обвивал серебристо-зеленый с матовыми камнями пояс. Это по моим округлым бедрам струился мягкий золотой шелк, стыдливо прикрытый дымчато-зеленым газовым

шифоном. Это за моей спиной спадал такой же газовый шлейф – я попыталась открепить его, ведь носить такое могли только аристократки – но у меня ничего не вышло, приклеился намертво. Тогда Лена откуда-то достала маску в тон наряду:

– Если боишься штрафа, всегда можно сказать, что это маскарадный костюм. Только сапоги твои никуда не делись. Постарайся поменьше поднимать подол платья в вихре танца – добавила торговка с лукавой улыбкой...

– К ратуше, – скомандовала я оторопевшему от моего преображения вознице сразу, как вышла из магазина, и, чтобы подстегнуть его усердие, бросила в качестве аванса пять эльга – в два раза больше, чем полагалось за такую поездку.

Музыка, гремевшая в ратуше, оглушала. Усиленные магией огни слепили, но вместе с тем что-то внутри дрожало от нетерпения. Хотя скорее всего, это просто нервы, или я опять проголодалась. Да, хороша была каша, но не наша. Так сложилось, что мы с Трошкой оба в этом плане малость косорукие. Поэтому питаемся чем-попало... То картохой подгоревшей, то супом пересоленным... Ну да не хлебом единым жив маг-черный вестник, и теперь пришло время зрелищ. Я расплатилась с извозчиком и попросила, чтобы он меня подождал, ибо долго задерживаться я не собиралась. Меня клятвенно заверили, что будут ждать хоть всю ночь. Я мысленно прикинула во сколько мне э то выльется в плане финансов, но делать нечего.

Если музыка оглушала за пределами здания, то внутри творилось что-то невообразимое. Я, конечно, понимала, что в зале будет многолюдно, но такого столпотворения я и представить не могла. Я быстро натянула маску, ибо шлейф так и не пожелал отсоединиться от платья. Милена говорила, что платье отражает характер и сущность того, кто его надел, но в моих жилах не было ни капли голубой крови. Ну да ладно, будем работать с тем, что есть. Я шмыгнула в более-менее тихий уголок, предпочитая наблюдать за празднеством со стороны. Единственное, что меня интересовало – оглашение имени преемницы Наины. Сама героиня вечера, как и полагалось, была в центре внимания. Они с Альтером танцевали в центре балльного зала, улыбались друг другу, и, казалось, никого вокруг не видели. Недалеко от счастливой пары мелькал Кэвин, который кружил в танце Кари. Очевидно, родственник будущей принцессы хотел наладить отношения с заместителем Наины, поскольку полагал, что именно она станет у руля после официальной отставки его сестры. Кари вроде была не против его внимания, и как бы я к этому юнцу не относилась – он был вполне привлекательным. А Кари была старше меня и отношения с мужчинами, как и у большинства из нас, у нее не складывались. Подробностей дара Кари я не знала, у нас и не принято было расспрашивать, у большинства это был скорее не дар, а наказание. Не всем так везло как Наине, да и Ольге, пожалуй, хотя еще как посмотреть. Моя соседка по кабинету могла считать предсмертные воспоминания новопреставленных. Был правда ряд условий – они должны были быть максимально свежими и целыми. Поэтому Ольгу часто таскали в свою резиденцию дознаватели и даже хотели переманить ее к себе на службу, но девушка отказалась. Потом она признавалась, что воспоминания о насильственной смерти, которые сохраняют покойники, вызывают у нее приступы паники и выливаются в кошмарные сновидения. У нас все же не такая концентрация убиенных. А вот Кари о своем даре помалкивает, как и я. Знает о наших талантах только Наина – она принимала нас на работу, поэтому в курсе всех явок и паролей. Впрочем, разглашать эту информацию она права не имеет.

В этот момент музыка стихла, и музыканты заиграли что-то спокойное и тихое, очевидно, чтобы присутствующие перевели дух. Я уже хотела поближе пробраться к Наине, чтобы «отметиться» и потом тихонько улизнуть. Ну ее, ту преемницу, завтра на работе познакомлюсь. Предприняла было попытку протиснуться в центр зала, как тут снова налетела на кого-то. Оно,

конечно же, в такой толчее немудрено с кем-то вступить в близкий контакт, но дважды за день – перебор.

– Прошу прощения, клирра (*обращение к знатной даме*), – услышала я подозрительно знакомый голос, – здесь так много людей, что разминуться сложно.

Хорошо, что на мне была маска, поскольку щеки буквально вспыхнули. Впрочем, на сегодняшнем визитере нашего департамента тоже была маска из черного бархата с серебряными узорами, открывающая только губы и подбородок.

– Ничего, – пробормотала я, – сама виновата, так спешила, что не смотрела, куда иду.

И тут же подумала, что могла бы и утром сказать то же самое и не оконфузиться перед знатым незнакомцем. А так будет думать, что вежливыми бывают исключительно аристократки.

– Вы не приглашены на следующий танец? – поинтересовался мой собеседник. – Я как раз ищу такую милую партнершу.

– Увы, – поспешила я его разочаровать, – танцую я из рук вон плохо.

– Тогда просто поговорим, у меня есть некоторое время перед церемонией, – не отставал незнакомец.

«Вот же ж!» – подумала я, но вслух сказала:

– Почему бы и нет. Увлекательная беседа – это лучшее времяпрепровождение.

Ненавязчиво подхватив под локоток, мужчина увлек меня ... опять в тот угол.

Я, помнится, говорила, что природа не наделила меня писательским талантом? Так вот – талант вести разговор с представителями привилегированных сословий тоже поделили без моего участия.

– В первый раз я на таких мероприятиях, – начала я, и заметно порадовалась, что глухая маска, открывающая только волосы со спины, слегка искажает мой голос, еще утром костеривший этого дворянина на чем свет стоит.

– Это еще что! – откликнулся мой визави. – Вот в Нолании приемы так приемы, хотя по местным меркам это, конечно, аншлаг. Впрочем, придется привыкать к провинции – мне здесь работать. Но не буду утомлять Вас такими скучными разговорами – это слишком обыденно, и такой очаровательной даме вовсе незачем думать о столь приземленных материях. А Вы знакомы с хозяевами бала?

– Да, я знаю Наину, – пробормотала я. Заикнуться о том, что и с Альтером я пересекалась и даже участвовала в операции по его спасению, поостереглась.

– Наину? Начальницу местного «мертвецкого» департамента? – переспросил меня мужчина, заметно напрягшись.

– Да, – подтвердила я.

Мужчина окинул меня внимательным взглядом:

– Вы имеете отношение к профессиональной деятельности Наины, или просто дружны с нею? – решил уточнить он.

Какой приставучий. Ну чего тебе надо? Угораздило же. Похоже в день моего рождения на неприятности была скидка, и я огребла их оптом, не глядя, в десятикратном размере. А потом подумала, что юлить не собираюсь, да и с какой стати? Честность – лучшая политика! Так, по моему, говорят наши державные мужи, замышляя при этом очередные пакости и подставы?

– И первое, и возможно даже второе, – заявила я, вздёрнув подбородок. В конце концов, я не утверждала, что аристократка – это раз, на мне маска – это два, аристократкам не возбраняется работать на государственные структуры – это три.

Собеседник озадаченно рассматривал меня, желая, очевидно, избавиться от маски. А вот дудки!

– И при каких обстоятельствах состоялось ваше знакомство? – продолжил допытываться тот, кто решил окончательно испортить мой день.

– При устройстве на работу! Я подчиненная Наины! – ответила я, гордо распрямляя плечи. Казалось, даже если к ним палку поперек привязать – прямее они не станут.

– Что ж, это вызывает уважение, – неожиданно мягко сказал он, – я уж побоялся, что Вы одна из охотниц за женихами и присматриваетесь к кому-то из друзей Его Высочества.

– Помилуй заступники! – облегченно рассмеялась я. – Не знала, что создаю такое впечатление.

– Я ни в коем случае не хотел Вас обидеть, но явились Вы без сопровождения, одеты броско, хоть и со вкусом, скрываете лицо, словно собираетесь позволить себе вольности и надеетесь поймать на крючок рыбку покрупнее.

– Очень мило с Вашей стороны, – буркнула я.

– Повторяю, не хотел Вас обидеть, просто объясняю, почему решил подойти к Вам, особенно, когда Вы направились прямо к будущим молодоженам, – мягко укорил он меня.

– Знаете, Наина лично пригласила меня. Произошло это спонтанно, не думаю, что она действительно хотела меня здесь видеть. Но я все равно решила засвидетельствовать ей свое почтение, особенно теперь, когда она не сочтет это актом подхалимажа, так как сегодня Наина объявляет об отставке и представит нам свою преемницу. С завтрашнего дня у меня новое начальство. Я сочла этот перерыв между танцами подходящим моментом. И если Вы так мастерски меня спасли от позора – я благодарна.

– Невеста принца еще не делала официальных заявлений, – улыбнулся он. – Не стоит благодарности. Просто я друг принца, и не хочу, чтобы ему, и его близкому окружению досаждали. И все же, когда я заметил Вас, **клирра** – это слово он выделил интонацией, словно предлагая мне его поправить – первое, что пришло мне в голову, помочь Вам не попасть впросак.

В этот момент Наина сделала знак прекратить музыку и шум в зале затих. Мой собеседник склонился к моему уху и прошептал:

– Должен Вас оставить ненадолго, надеюсь Вы меня дождетесь – мы не договорили. – С этими словами мужчина удалился.

Тем временем Альтер уже начал рассказывать присутствующим историю их с Наиной любви. Зал трепетно замирал от восторга, охал и ахал в нужные моменты, а Наина очаровательно смущалась. Не забыл принц рассказать и о том, как красавица его отвергла, но тем больше он ее уважает и еще сильнее любит, ведь встретил девушку, которая презирает титулы, а ищет настоящие чувства. И только я знала, что Наина скорее покорилась напору венценосного ухажера, чем влюбилась в него.

Затем слово взяла Наина. Девушка заявила, что благодарна случаю, который свел ее вместе с возлюбленным и помог спасти его. Она больше решила не противиться чувству, посвятить себя будущему мужу и оставить ответственную работу во вверенном ей департаменте на надежного человека, которого знают и она, и Альтер. Сразу после этой фразы магический луч выхватил из толпы мужскую фигуру черной маске с серебристыми узорами. Мужчина неспешно с достоинством подошел к героям вечера, неуловимым движением снял маску, отчего его темные волосы рассыпались по плечам, тепло улыбнулся Альтеру, краем губ Наине (видимо, не считает ее ровней своему высокородному товарищу) и поклонился присутствующим.

– Талантливейший некромант королевства, клирр-артан (*клирр – обращение к знатному мужчине, артан – указание на кровную связь с королевским семейством*) Арион Кайяр, – громко представила Наина мое новое начальство.

Земля не просто ушла у меня из-под ног – она спасалась от меня бегством, развивая бешеную скорость. Теперь можно не беспокоиться о том, узнает ли Наина, что я была на празднике. И о работе беспокоиться не нужно: нет работы – нет проблем. Не считаясь уже с правилами этикета и прочими условностями, я рванула к выходу, расталкивая всех встречных и поперечных. Возница меня еще ждал.

Такое опустошение, как сейчас, проезжая по уснувшим улочкам нашего городка, я чувствовала всего раз в жизни. Помню, мне было всего 15. Отчим сказал одно короткое: «Вон!». Беременная мать смотрела в пол, оглаживая свой заметно вздувшийся живот. Я же упрямо пыталась поймать ее взгляд, хотела услышать, как она ставит своего мужа на место и, наконец, вспоминает, что я тоже ее дитя, что дом, в котором она живет, достался ей от моего родного папы, как и ферма, на которой теперь хозяйничает ее новый супруг...

... Врагами с ним мы стали не сразу. Как сказал бы Кэвин, парень знал берега и если и считал меня досадным довеском, то имел достаточно ума, чтобы не показывать этого. Мой настоящий папа умер от оспы, когда мама только-только почувствовала, как я зашевелилась у нее под сердцем. Каким чудом болезнь миновала ее, не знаю и по сей день, хотя в тот год полегло полдеревни. Понять маму было можно. Управлять таким хозяйством в одиночку с крохой на руках – задача не из легких. А поскольку моя родительница была весьма хороша собой, а полученное наследство делало ее еще краше, то вдовствовала она недолго. Клисс Морган начал охаживать вдовствующую фермершу, едва миновал срок траура. Первые пять лет моей жизни были вполне терпимы. Как я уже сказала, поначалу отчим был весьма благосклонен ко мне. А потом мама родила моего брата. Мне только-только исполнилось 5. И я моментально перестала существовать для счастливых родителей. Звучит вполне ожидаемо, и можно подумать, что я просто капризничаю, ведь старшие дети всегда испытывают ревность к младшим, так как им вполне обосновано уделяют больше внимания. Однако дело было не в этом. Такое ощущение, что клисс Морган устал притворяться, и его истинное отношение ко мне стало сродни ушату ледяной воды, вылитому на голову человеку спросонья. Тогда я впервые услышала слово «ублюдок», и произнесено оно было в мой адрес. Сначала мать слабо протестовала, когда ее муженек награждал меня пинками и тычками, но потом он избил и ее до кровавого кашля. После этого мать навсегда позабыла слово «нет». Я превратилась в прислугу, даже хуже – рабыню. Отчим уволил пастуха, и за коровами стала ходить я. Когда племенной бык «залюбил» телку до смерти, а я не смогла в силу своего восьмилетнего возраста ему помешать, мамин муженек сломал мне ребра. Мать тайком ночью накладывала мне тугую повязку, потому что «папа» строго-настрого приказал ей ко мне не подходить. «Сдохнет – туда ей и дорога», – приговаривал он, пиная меня ногами и буквально вытирая мною пол. Мама только тихо всхлипывала в углу и просила, чтобы я кричала тише, дабы не разбудить спящего в соседней комнате брата. В тот момент я поняла, что она расставила приоритеты, и явно не в мою пользу. Спас меня Трошка. Домовой был единственным существом, который еще помнил, кто в доме настоящая хозяйка. Он притаскивал мне лекарственные травы, именно он носил мне воду и воровал у отчима еду, поскольку, видимо, мечтая о моей скорой смерти, тот запретил домочадцам меня кормить, дескать, в воспитательных целях... В общем, вопреки «заботе» родственничков, я пошла на поправку. Пока я болела, выяснилось, что отчим продал коров, не совладав с ними без помощи «ублюдка». Но без дела я все равно не сидела – помимо домашних обязанностей, ожидаемо взваленных на мои хрупкие плечи, меня «утвердили» на роль няньки для брата. Как ни странно, с мелким мы даже ладили. Благодаря тому, что ему тоже нужно было постигать науки, отчим с матерью раскошелились на учителя из города. Восьмилетний Эрик не слишком успевал в учебе, мне приходилось слушать и понимать за двоих, чтобы потом уже снова и снова объяснять мелкому особенности правописания и втолковывать принцип четырех действий арифметики. И я даже как-то притерпелась к такому порядку вещей, а существование мое стало почти сносным. Но однажды я увидела метку на Эрике. Когда мы снова вместе с ним зубрили грамматику, я обратила внимание на тот самый черный контур вокруг него. И с ужасом поняла, что никто, кроме меня этого контура не видит. Несколько дней я ходила в смутной тревоге, в ожидании чего-то неотвратимого. Я чувствовала, что это предупреждение, но не понимала, о чем. Единственный, кому я могла рассказать об этом, был Трофим. У нас сложилась традиция секретничать вечерами возле печки, за которой был ход в его апарта-

менты. Они существовали в параллельном пространстве, были отражением реального дома, за который отвечал домовый, но людям туда дороги не было. Трошке я и поведала о своем видении. Именно он и просветил меня о том, что я черная вестница – вижу людей, отмеченных смертью. Откуда он это знал, даже гадать не стала. Для меня само собой разумеющимся было, что магические существа знают на порядок больше. Тут я совершила очередную глупость – рассказала маме, что Эрику грозит опасность, да еще и Трошку указала, как источник информации. Сначала мама отмахнулась от моего пророчества и только предупредила, чтобы я не смела заикнуться о своих «мерзких фантазиях» ни отчиму, ни Эрику. На эту суровую отповедь родительницы я пожала плечами и решила, что может ничего страшного и не случится. Но теперь на Эрика старалась лишний раз не смотреть. Тяжело было – я понимала, что его судьба предрешена, но не знала, откуда придет удар. Тогда я точно не знала, но подспудно ощущала, что грядущее неотвратимо. Так и случилось – Эрик с друзьями побежал на речку и утонул. Десятилетний мальчишка тогда заявил, что не нуждается в присмотре сестры, а отчим с присутствующей ему гордыней поддержал сына. Мать тоже не возражала своему любимцу, к тому же тогда она неважно себя чувствовала из-за новой беременности. Родители встревожились лишь когда вечером Эрик не вернулся домой. Тело мальчика вынесло на берег через три дня.

Его товарищи боялись показаться на глаза маме и отчиму, ведь не сумели ни отговорить моего брата от опасного заплыва, ни спасти его, когда Эрик, захлебываясь водой и криком, тонул в водовороте.

– Тварь! Ведьма! – набросилась на меня мать, когда тело брата принесли и положили перед ней рыбаки. Труп вздулся, посинел, от него несло тинной – меня вырвало... Когда отчим узнал из сбивчивых выкриков ошалевшей от потери ребенка родительницы о моем видении и предупреждении, он окаменел. Просто стоял и смотрел на меня, меня при этом не видя. Затем зарычал, как пронзенный стрелой охотника медведь. А меня тошнило, меня рвало прямо на тело усопшего брата, и это еще сильнее разозлило убитых горем родителей. Впервые меня избила мать. Ее побои были более жестокими, в исступлении она мутузила меня и царапала, как взбесившаяся кошка, постоянно выкрикивая: «Ведьма!». Измученная рвотой и ужасом от сбывшегося предсказания, я не сопротивлялась.

Вышвырнуть вон меня попытались в тот же вечер, когда я избитая, в лихорадке не могла даже двинуться. Но когда меня, как куль с мукой, потащили к выходу, надеясь бросить на дороге подышать, предварительно ославив на всю деревню, на их пути встал Трофим. Одержимый праведным гневом он напомнил, что я хозяйка дома и всего имущества, и он не позволит лишить меня того, что оставил мне отец. Хватит, что мать с отчимом и так пользуются всем, не спрашивая моего мнения. Спорить с вышедшим на тропу войны домовым было нельзя – в его силах было устроить неугодным хозяевам адскую жизнь... Но, как выяснилось, отчим тоже был не лыком шит. Он съездил в город и купил у мага-бытовика мощнейший обряд на отселение домового. Стоил он дорого, но родители не поскупились. Я до сих пор с ужасом вспоминаю, как кричал Трофим, как будто с него заживо сдирали кожу, ведь домохозяина живьем вырывали из его жилища, к которому он крепко-накрепко был привязан. Едва их злодейство увенчалось успехом, и Трошка обессилел, отчим взял меня за шкуру, встряхнул и приказал собирать вещи – он больше не намерен делить кров с убийцей своего ребенка. Тем более мать скоро вновь должна была разрешиться от бремени, и я могу навредить его очередному чаду. Все пожитки, которые мне дозволено было взять, уместились в один узелок. И вот, покидая отчий дом с искалеченным домовым, я бросила последний взгляд на мать, которая на меня не смотрела. В последний миг я узрела ту самую метку – мать была обречена. Я не знала – суждено ей умереть одной, или вместе с ребенком, но поняла, что жалости не чувствую. Не чувствую вообще ничего – пусто, холодно, безнадежно...

В город мы шли, по пути то выпрашивая милостыню, то нанимаясь на поденную работу. Трошка ходил по своим тропкам, тоже пытаясь что-то раздобыть. Что ж – ему удавалось чаще.

Его собратья оказались куда отзывчивее людей. И наконец я наткнулась на объявление о том, что ведомство «Вне жизни» нуждается в одаренных соискателях. Мы направили свои стопы в городок, где располагался департамент с вакантной должностью, но оказалось, что штат укомплектован. Однако потом Наине пришлось взять меня, ведь примерно в то же время ожидалась проверка из Нолании. Начальница не стала рисковать – отказала братцу. И я сняла дешёвенький домишко на окраине с правом последующего выкупа. Выкупила я его примерно через три года, отказывая себе во всем. О судьбе матери и отчима я не задумывалась, но через несколько дней после того, как я устроилась на работу, Трошка выведаль, что мама скончалась от родильной горячки, приведя на свет недоношенную девочку. Та пережила мать всего на неделю. Вскоре после этого сгорел дом, в пожаре пострадал и отчим – у него обгорело лицо, вытек один глаз, а руки потом отнял местный знахарь (они сильно обгорели и стали гнить). На скотину напал мор, урожай погиб от засухи. В общем, клисс Морган пошел по миру... Я его, естественно, не жалела. Хоть при известии о смерти матери во мне тоже ничего не шевельнулось. И вспоминала при этом я даже не свою безрадостную жизнь, а крики Трошки при его отселении. Даже не успев еще выкупить свой домишко, я сразу вселила в него моего бездомного домового. Благо, прежние хозяева своего домохозяина забрали с собой в новое жилище. Обряд этот был сложный и тоже очень болезненный для Трофима – на ритуал у меня ушли тогда последние сбережения, накопленные во время странствий, но за ценой я не постояла. Зато мы вновь смогли жить вдвоем, ни перед кем не заискивая.

Сейчас же надо мной опять нависла беда, и как расхлебывать новую порцию невезухи, я не понимала. За невеселыми размышлениями не заметила, как добралась домой. На этот раз упрекнуть меня в необдуманной щедрости было нельзя. Извозчик получил ровно столько, сколько ему причиталось, и он даже не попытался скрыть недовольство. Мне же было все равно. Впереди – неизвестность. И если завтра меня уволят, то большой вопрос, как нам удастся выживать на оставшиеся гроши. Но уже забываясь тревожным сном я решила, что завтра как-то все разрешится само собой – Бог не выдаст, свинья не съест, а утро вечера мудренее.

Глава 3

Разбудило меня урчание в собственном желудке. Организм ненавязчиво намекал, что ему неплохо было бы подкрепиться, ведь желудку ничего не перепало со вчерашнего обеда. Но мое паршивое настроение быстро объяснило недовольному органу пищеварения, кто здесь главный, и чувство голода притупилось. Я позвала Трофима и несколько удивилась, когда из-за печки не послышалось привычной возни. Недоуменно пожав плечами, я предпочла на этом не заикливаться. Все-таки он взрослый трехсотлетний парень, и не обязан являться по первому моему зову. Хотя где-то и неприятно заскребло чувство ревности – кто это его там отвлекает, когда мне позавтракать пора. Уже подумала сама чего сообразить и даже за огнем потянулась, дабы огонь в печи разжечь, но потом бросила взгляд на часы и поняла, что опаздываю. Вернее, пешком топать **уже** опоздала, а вот нанять повозку успеваю впритык. Это что выходит? Трошки не было всю ночь? Иначе он бы меня разбудил... я даже на магическую оповещалку тратиться не стала – Трофим никогда не подводил. Вчера решение сегодня гордо не выйти на работу казалось мне самым правильным, но при более здравом размышлении я поняла, что сначала нужно подстелить соломку, а потом прыгать с крыши. Тем более, опаздывать на работу, когда там водворилось новое руководство, перед которым ты, как это ни странно, успела накосячить дважды, было более, чем неразумно. Я с тоской и даже какой-то обидой посмотрела на висевшее на спинке стула вчерашнее сказочно-прекрасное платье и подумала, что мама Милене наврала... Не спорю, оно делает владелицу привлекательнее, но и только. Мой суженый видимо птица не того полета, чтобы попасть на помолвку принца. А ведь в глубине души я надеялась на встречу. Ну да ладно! Нарядившись в униформу, нацепив пару недорогих амулетов на затворение крови (весьма полезная в моей работе вещь, скажу я вам), я направилась к выходу. Извозчика поймала быстро, ехали мы с приличной скоростью, но в глубине души я мечтала, чтобы случилась какая-то катастрофа, и у меня появилась объективная причина для прогула. Как назло, все было в порядке. На рынке, который мы как раз проезжали, царила привычная суэта, торговки даже как-то рутинно зазывали рабочий люд, приглашая их купить что-нибудь по пути на службу, затем нам дорогу перебежала ватага ребятишек, спешащих в школу. Несмотря на то, что обучение в реймских школах было недешевым, большинство родителей предпочитали недоесть, недопить, недогреться, но дать чаду хотя бы азы образования. И я считала это правильным. Грамотному человеку несоизмеримо легче пробиться в этой жизни, чем неученому. И мое умение читать, писать и считать было тем немногим, за что я была признательна родителям и погибшему брату.

Всему приходит конец, и дороге тоже. Вот кучер буркнул: «Приехали». Я вылезла из повозки и на подрагивающих от волнения ногах пошала к нашей управе. Не знаю, чего я ожидала, когда входила внутрь – может грома и молний, может того, что на пороге будет стоять Арион Кайяр единственно с тем, чтобы выставить меня вон. Но все было как обычно. Помогательный персонал (не-маги) привычно сновали по коридорам, чтобы прибраться или разнести жалобы и отчеты. В нашем кабинете слышался привычный гомон – это хорошо, значит планерки еще не было. Поэтому я поспешила туда, уже почти не обращая внимания на существующие и несуществующие перемены. Ольга и Кэвин сидели на местах, Кари присела на стул для посетителей. При моем появлении они дружно обернулись и сказали что-то вроде: «Привет, явилась наконец, скоро планерка» и продолжили разговор. Догадаться было несложно, что главным его предметом был новый начальник.

– Вот уж не думала, что это будет мужчина, да еще какой... красивый! – щебетала Ольга.

– Интересно, он одарен? – пробормотал Кэвин. При взгляде на него я поняла, что он-то не разделяет энтузиазма девчонок. Хотя в этом мы сошлись и обменялись понимающими взглядами.

– В том-то и дело, что одарен! Ты его глаза видела, когда он маску снял? – Они фосфоресцируют в темноте, как кошачьи! Сверкают, как раскаленный изумруд! – восхищенно заявила Кари. При этом на лице у нее блуждала глупая улыбка. Все ясно – мои коллеги, за исключением Кэвина, отдали новоиспеченному шефу сердца и втайне мечтают еще и руку ему всучить. По лицу брата Наины можно было сделать вывод, что он съел с десятков лимонов и еще десятку ему предстоит употребить. Подозреваю, что такую же кислую мину демонстрировала и я. Тут Кари снова обернулась ко мне – как обычно с утра ее глаза были чуть желтоватыми – ничего, к обеду почернеют.

– Наина искала тебя после церемонии, – обратилась она ко мне. – Ты была в ратуше вчера?

– Да, и наш распрекрасный новый шеф может это подтвердить, – огрызнулась я.

Кари недовольно нахмурилась – обычно я ей не грубила, хоть и дружбы между нами особой не было:

– Если Наина ушла, то это вовсе не означает, что меня сместили или понизили в должности, – с нажимом произнесла она.

– Я не стала подходить к его высочеству и Наине – вид у меня был не совсем подходящий, – примирительно пробормотала я, понимая, что ссориться еще и с Кари мне не с руки. И так недоброжелателей хватает – не переваривающий меня Кэвин, новоиспеченный шеф... Ольга же всегда держала нейтралитет. Становиться изгоем в мои планы не входило.

Взгляды девушек сразу стали сочувствующими. У каждой из нас за плечами было прошлое, но моя ситуация была негласно признана самой незавидной. Поэтому Ольга частенько приносила мне свои «старые» костюмы, которые ей якобы разонравились, а Кари под видом того, что резко захотела сесть на диету, угощала меня чем-нибудь вкусным и пару раз приглашала пообедать за ее счет. Я, конечно, отказывалась, но она всегда настаивала, за что я была ей крайне благодарна. В общем, это все подавалось под таким соусом, чтобы я не чувствовала себя обязанной.

Наконец наши настенные часы пробили 9, и мы привычно потянулись в кабинет начальства. Обычно планерка проводилась ежедневно, длилась она от силы минут 15 – Наина руководила грамотно, задачи расписывала быстро, вероятно заранее. Случаи, когда нам собираться было не нужно, оговаривались заранее – мы могли направиться в продолжительную командировку, или дежурить по ночам на кладбище в полнолуние (в эти дни была высока вероятность восстания умерших не своей смертью) и тогда утром тому, кто дежурил, по умолчанию давали отсыпной, и ну и другие подобные ситуации. Но ни разу, если мы приходили на утренний разбор полетов, нас не встречал пустой кабинет, как это случилось сегодня. Немного растерявшись Кари все же скомандовала нам сесть по местам и ждать прибытия нового начальника. В напряженном молчании прошло полчаса:

– Может он заблудился в наших трех соснах или передумал работать здесь, – озвучил мою самую жгучую надежду Кэвин.

– Задерживается, наверное, по уважительной причине, – тут же оправдала предмет своих девичьих грез Ольга.

Кари промолчала, а я коротко хмыкнула.

– Разве я вас звал? – услышали мы сердитый голос, привыкший повелевать.

Обернувшись, мы увидели его светлость Ариона Кайяра. На его плечи был накинут черный плащ, вышитый серебряной нитью, в тон той маске, что была у него на балу. Под плащом красовался темно-зеленый камзол, гармонирующий с приглушенной в дневном свете зеленью его глаз, а на ногах были облепленный раскисшей глиной когда-то дорогие кожаные сапоги с золотыми пряжками. На лице у него застыло злое выражение.

– Нам не сообщили о переменах в рабочем распорядке, и мы пришли на планерку, как это у нас заведено, – с удивлением расслышала я в звенящей тишине собственный подрагива-

ющий голос. Ну вот, кто опять тянет меня за язык? Это прерогатива Кари – собачиться с руководством и доносить до вышестоящих точку зрения коллектива, а тут я со свинячьим рылом в калашный ряд.

Клирр-антар Кайяр соизволил перевести взгляд на меня:

– Интересно, кто это у нас здесь? – с издевкой поинтересовался он и тут же предположил: – Невоздержанная на язык клисса, привыкшая хамить каждому встречному, или все-таки благородная клирра в зеленой маске, не пожелавшая засвидетельствовать почтение принцу Альтеру и его будущей возлюбленной. Хм, хоть у них есть нечто общее – отсутствие врожденного чувства ранга.

– Скорее наличие чувства собственного достоинства, – отрезала я (а что – помирать, так с музыкой, вылетать с работы – так с треском).

В этот момент наконец вмешалась Кари:

– Прошу прощения, мы следовали заведенному порядку, но, если у Вас будут иные распоряжения или указания – мы будем их исполнять. Просим прощения за недоразумение, но все-таки хотели бы узнать, какие у нас планы на сегодня?

– Убраться на кладбище! Сегодня утром восстали несколько десятков мертвецов, а точнее – 81! И никто из них не должен был быть заразным, но пришлось добить еще 9 зараженных горожан!!! – рыкнул шеф.

– Почему же Вы не взяли никого на помощь? – резонно возразила молчавшая до этого момента Ольга.

– Вы были бы бесполезны. Такая орда разметала бы вас по всей территории погоста. Судя по тому, что успела рассказать Наина, вы едва совладали с девятью восставшими.

Я про себя усмехнулась – еще бы! Прибыл крутой маг-некромант из столицы, что ему такие мелкие шавки, как мы! И годимся мы, как выяснилось, только прибирать мусор за его светлостью. Но тут же я вникла в смысл сказанного им – восстала настоящая маленькая армия. А у нас нет ни сил, ни достаточно мортиния, чтобы упокоить орду взбесившихся трупов. И я невольно восхитилась его мощью – в одиночку покрошить столько мертвецов, при этом даже не запыхаться. Я снова взглянула на его сапоги и поняла очевидное – глина на них размокла не от воды, а от крови. А это плохо. Ведь кровь не принадлежала мертвым – это была кровь погибших горожан, которые, очевидно, спеша на работу, срезали путь, пробираясь по кладбищенским тропкам. Меня замутило, хотя вчера тоже были жертвы среди живых, но подобной реакции у меня не возникло.

– А сейчас там все спокойно? – неожиданно проблеял Кэвин. Именно проблеял, поскольку я едва узнала его голос в этом писке и дребезжании.

– Не волнуйтесь, клисс Эрмон, **Вашей** жизни пока ничего не угрожает, – проинформировал Кэвина клирр Арион.

– На уборку кладбища отправляются все, кроме клиссы Морган, – неожиданно добавил шеф. – Она задержится.

Внутри у меня похолодело. «Точно уволит», – подумалось мне. Выходящие из кабинета почти уже бывшие коллеги удивленно переглянулись, но промолчали. Я же, гордо вскинувшись, повернулась к руководителю, который вот-вот оставит меня без работы, а значит, и без средств к существованию.

– Думаю, Вам, клисса, лучше присесть, – начал клирр-антар.

Я не стала лезть в бутылку и уселась на стул, на котором сидела во время так и не начавшегося производственного совещания. При этом демонстративно молчала, желая причинить хоть какие-то неудобства вершителю моей судьбы. Но это не произвело ни малейшего впечатления на начальство. Босс сел за стол и несколько секунд просто смотрел мне в глаза. Потом вздохнул и проникновенно поинтересовался:

– Вам знакома клисса Мария Морган?

– Женщина с таким именем была моей матерью, – осторожно подтвердила я, – она умерла при родах несколько лет назад.

– Точнее, 36 месяцев назад, – добавил шеф.

Я нервно дернула плечом:

– Мы не слишком хорошо расстались, поэтому я не отмечаю эти даты в личном календаре.

– Сарказм Ваше все? – уточнил Арион, подперев подбородок сцепленными в замок руками.

– Да, характер не сахар, – повинилась я, усмехаясь, – но Вы же не для этого оставили меня здесь. Смею предположить, что разговор будет носить или строго конфиденциальный характер, или же касается исключительно меня, а остальным просто неинтересен и бесполезен.

Мой работодатель одобрительно хмыкнул, отдавая, вероятно, должное моим дедуктивным способностям:

– Сегодня мертвецов было не просто больше, их было больше ровно в 9 раз. И не все, скажем так, местные. Несколько пришлых. В том числе и их предводительница. Догадываетесь, кто?

Я кивнула, пытаясь протолкнуть внутрь неожиданно застрявший в горле ком.

– Несмотря на, кхм, срок давности, выглядела она превосходно, сохранила прижизненный разум, но вместе с тем и странную одержимость – разыскать Вас. Сомневаюсь, что исключительно с целью накормить домашними пирожками. Она командовала остальными – восставшие были послушны ей, как цепные псы, и такие же жестокие. При этом идеально сохранившиеся останки клиссы Марии лично никого не тронули. И вряд ли из-за неожиданного приступа человеколюбия, разве что речь идет о гастрономической ценности отдельно взятых индивидов.

– И это **меня** Вы называете саркастичной? – парировала я.

– Это я так рассуждаю вслух, – оборвал меня начальник.

Я умолкла, наблюдая за холемым лицом аристократа исподлобья.

– И самое разумное, что пришло мне в голову – не пускать Вас на кладбище, поскольку старшая клисса Морган оказалась единственной, кто скрылся от меня, – заключил Арион.

– Я уж думала, мне придется искать другую работу, – выдохнула я.

Шеф недоуменно вскинул брови, но потом согласно кивнул:

– Не исключено.

Я аж задохнулась от возмущения:

– Хватит поступать со мной, как со старой преданной собакой и рубить хвост по частям!

– У нас прямо утро, посвященное аналогиям с этими милыми четвероногими, – неожиданно улыбнулся клирр-антар и расслабленно откинулся на спинку кресла. – Но пока мне нечем Вас заменить, даже если бы у меня и возникло такое желание. Наша братия и так не самая многочисленная и мне придется мириться с Вашим несладким характером, как и Вам с моим руководством, как бы Вы не ершились. Но у меня к Вам просьба, в которой Вы вольны мне отказать.

– Я шумно сглотнула:

– Слушаю.

– Помогите съесть мой завтрак – мне не видать спокойно жизни, если я вернусь с ним домой. – молящим тоном обратился он ко мне, но в глазах плясали веселые искорки.

Я рассмеялась, впервые искренне за последние сутки, но через секунду смех застрял у меня в горле: из пузатеньких коричневых горшочков до меня донесся дразнящий аромат специй, которыми была приправлена вчерашняя каша.

– Приятного аппетита, – невозмутимо пожелал мне шеф, принимаясь за еду.

Я же застыла с чувством, что расставленный на меня капкан захлопнулся.

Глава 4

Я дожидалась коллег по опасному бизнесу в раздумьях, механически сортируя документы в архиве по годам. Как по мне, архив нашей управы был в относительном порядке, и теперь я здесь сидела исключительно потому что шеф в порыве раздражения выставил меня из кабинета. Да чтоб он провалился со своей кашей! Вот это я ему и сказала. Ладно, девчонки пытаются меня накормить, полагая, что я пухну от голода, но так мы с ними столько уже пройти успели. А он кто такой? Тоже мне, благодетель сыскался! Да – мы голопопые, но гордые! Заявив, что не нуждаюсь в ни в его подачках, ни в подачках его домового, я хотела демонстративно хлопнуть дверью, закрыв ее с безопасной для себя стороны. Отчасти я так расхрабрилась ввиду того, что он прямо сказал, что не собирается терять одаренного сотрудника. Но дверь не захотела открываться. Мой шеф поставил там магический замок, которые еще и выполнял звукоизолирующую функцию. В общем, картина нарисовалась комичная – я в порыве благородного гнева дергаю за ручку, а он давится кашей и слезами (выступающими от смеха), созерцая мои бесплодные попытки. Тогда я в который раз набросилась на него с упреками, после чего босс легким взмахом руки снял заглушку и приказал, чтобы я убиралась в архив, где наверняка царит полный хаос. Но мне повезло – неодаренный персонал даром свой хлеб не ел, поэтому я просто отсиживалась, не спеша уведомить его благородие, что просто здесь штаны просиживаю. В конце концов, после такого унижения я имею право побездельничать за счет казны. И все же при воспоминании о дурманящем аромате жаркого, которое я так и не попробовала, желудок сводило голодными спазмами. Но я привычно переключилась на более важные проблемы. Здесь, в тишине, я могла спокойно порассуждать о случившемся. Итак, мы имеем посмертное воплощение моей матери, ибо я уверена, что за три года ее бранные останки разложились бы хотя бы наполовину. К тому же, лично она не тронула никого – почему? Потому что не могла? Но если следовать логике, как раз она бы и сумела ввиду давности кончины. Что из этого следует? Может это кто-то принял облик моей матери, и вряд ли сам был мертвецом. От Ариона он вряд ли тогда скрылся бы. Мертвецы, даже если они были при жизни магами, после смерти не сохраняют силу. Это как обертка от конфет – конфетой пахнет, но несъедобная, просто оболочка. Но откуда же у нее воспоминания моей матери и одержимость необходимостью со мной рассчитаться? Идем дальше – если это маг, притом вполне себе живой, на кой ляд я ему сдалась? И если все это восстание закопанных и оскорбленных (требующее немалой силы, коль уж тут замешан некромант) имеет под собой цель уничтожить или дискредитировать меня, то почему просто не пырнуть ножом в подворотне? К чему столько лишних телодвижений? Зачем привлекать внимание такого мага как Арион? Он в одиночку распылил почти сотню зомби, отделавшись лишь испорченными сапогами. Перебирая в памяти моих врагов – не скажу, чтобы их было много – прихожу к выводу, что нужно быть скромнее. Вряд ли я кому-то мешаю, и служу скорее всего ширмой. Но что я прикрываю? Или кого? Кроме усопших по большей части родичей, меня недолюбливал лишь Кэвин. Но организовать такой спектакль? На мелкие пакости парень способен, но он не прошел и первый отбор, потому что бездарный. Поднять мертвых способны единицы, так как этот ритуал требует колоссального выброса силы. И это строжайше запрещено. Наказание – смерть. Своей магией навредить я никому не могла. Мой дар пассивный, не разрушительный. Об увиденной метке я старалась никому не говорить, за редкими исключениями, как, например, с Миленой. Так что и здесь мстить некому и не за что. В общем, думала я думала, да так ничего не придумала. Абсурд какой-то получался. Архивариус, которому меня любезно одолжили, и который сам подшивал какие-то папки, не обращая никакого внимания на мою возню, вдруг отложил свою работу и побряхтывая поднялся со стула – верный знак, что время обеда. Не видя причины и самой сидеть и дышать пылью в свой законный перерыв, я вышла в коридор.

Я собиралась направить свои стопы в ближайшую продуктовую лавку купить булку и молока – мой привычный перекус. Но не успела я миновать коридор, как на меня (вероятно ради разнобразия) налетела Ольга. Округлившимися от ужаса глазами она смотрела куда-то поверх моего плеча, потом с усилием сфокусировалась на мне и разразилась рыданиями:

– Кари... Кари убили! – взвыла она.

Я застыла, не в силах никак отреагировать. Меня поразила даже не сама смерть девушки, а то, что я не смогла предвидеть смерть коллеги. Кто смог обойти мой дар? Как?! От моих способностей не было иммунитета, но на Кари я метки не видела. Значит еще утром ее в списке Хозяйки не было. А между появлением контура и собственно кончиной никогда не проходило меньше 10 дней. Но Ольга не знала о моем таланте, поэтому видела в гибели Кари только роковую случайность, без подвоха.

– Как это случилось? – еле ворочая языком в пересохшем рту, спросила я. Следом за Ольгой на негнувшихся от ужаса ногах подошел Кэвин. Мне неожиданно пришли на ум слова Клирра-артана Кайяра: «Клисс Эрмон, Вашей жизни пока ничего не угрожает».

Вот Кэвин на мой вопрос и ответил:

– На нас набросились горожане, дескать, мы не смогли предвидеть восстание, зря нас город содержит, мы ни на что не способны. А многие кричали, что это мы мертвяков и подняли, якобы чтобы народ в страхе держать и деньги с них, честных налогоплательщиков, выкачивать...

– Они бросились на нас, когда мы с кладбища шли: с вилами, лопатами и ружьями побежали. Мы бросились наутек, но Кари отстала – ее кто-то окликнул, – давясь слезами, перебила его Ольга.

– А кто? – попыталась выяснить я.

– Ты!! – в один голос отозвались Кэвин и Ольга. – Мы подумали, что шеф все-таки и тебя на подмогу послал. Кари и отстала, чтобы предупредить тебя, а толпа на нее кинулась и на куски разорвала. Мы даже тело забрать не смогли – там сплошное месиво. Мы и побежали, а горожане как-то сразу успокоились и разошлись. Будто кто-то им дал команду...

«Они повиновались ей, как цепные псы...», – вспомнилось мне. Но эти слова относились к мертвецам, а не живым людям. Сломать волю живого практически невозможно...

– Так вы точно видели, что это была клисса Нэвия Морган, – послышался голос Ариона за моей спиной. Глядя на искаженные ужасом и ненавистью ко мне лица коллег я невольно шагнула за спину начальника.

– Мы ее видели! – настаивал Кэвин. Ольга только подвывала, снова утратив способность говорить. Они с Кари были очень близки. Устроились в управу одновременно, были землячками, и даже здесь жили по соседству. Ходили даже слухи, что они были единокровными сестрами. Девушки слухи о своем родстве не опровергали, но и не подтверждали. Я же в этом сомневалась – некродар очень редко проявлялся у двух родственников одного поколения. Но несколько дней назад я была уверена и в том, что мужчины-некроманты – это миф. Что ж, реалии дали мне по голове.

Арион, секунду поразмыслив, сообщил:

– Клисса Морган все это время была в архиве, изображала бурную деятельность, о чем мне поведал архивариус.

Я возмущенно воззрилась на босса. Да, я скорее отсиживалась в архиве, но, справедливости ради, я там документы ровными стопочками подкладывала, хотя бы, а то они как-то кривовато лежали.

Однако ничуть не смущенный моими красноречивыми взглядами клирр-антар продолжил:

– Быть в двух местах одновременно никому не под силу. Вас обманул морок.

– Может он обманул нашего архивариуса? – возразил Кэвин. Вот, заррразза!!

– У Нэвии нет таких сил. Ее способности весьма непритязательны, – парировал Арион. И мне бы спасибо сказать начальнику, но обидно стало, будто душем из презрения окатили.

– Идемте в мой кабинет, – пригласил босс и добавил:

– С обедом придется подождать.

Я побрела за остальными, надеясь, что просто сплю, а когда проснусь – моей самой большой проблемой будет то, что я нахамила будущему начальнику.

Ольга и Кэвин снова и снова пересказывали обстоятельства ужасной смерти Кари. Арион задавал уточняющие вопросы, но они едва ли доходили до моих ушей. Я чувствовала себя виноватой, хотя и не понимала, в чем. Не покидало ощущение, что я что-то упускаю. В который раз задавалась вопросом: почему Арион велел мне остаться? Теперь его объяснения не казались мне такими логичными, как утром. Один труп мы бы вчетвером упокоили бы, даже если это не труп, а живой маг. Хочет вбить между мной и остальными клин? Тогда зачем было подтверждать мое алиби? Да и откуда он знал, что некто одержимый мстостью мне, оморочит целый город. Ариона отбрасываем... пока.

– Может поговорим с дриадами? – предложила я. – Незадолго до первого восстания лесные девы закрыли вход в свои уголья под предлогом брачных игр, но сегодня я вдруг вспомнила, что у них там подозрительно тихо. Обычно их совокупления довольно громкие, а тут...

– Весьма здравая идея, клисса Морган, – неожиданно похвалил меня шеф.

– Вот только дриады никого к себе сейчас не подпустят, – охладил наш пыл Кэвин.

Ольга молчала, лишь переводя глаза с одного мужчины на другого. Казалось, она сейчас живет и дышит лишь мыслью о том, как бы расквитаться за смерть подруги. А для этого нужно узнать, кто виновен.

– Меня пропустят, – отмахнулся от Кэвина Арион, – но я бы хотел, чтобы кто-то прикрыл мою спину.

– Я, я пойду! – вскинулась Ольга.

– Нет, – возразил шеф. – Это будет клисса Морган.

– Опрометчиво, – буркнул Кэвин. Похоже он не отказался от мысли, что это настоящая я заманила Кари в западню, и вообще, как кукловод дергала за ниточки разъяренную толпу.

– Просто из вас она самая бодрая, – усмехнулся клирр-антар. Но при этом никому не было весело. – Вас же я попрошу собрать останки клиссы Мердвик и приготовить все для почетного погребения.

Ольга и Кэвин согласно кивнули.

– Мы идем сейчас? – поинтересовалась я.

Арион покачал головой:

– Сейчас никому нельзя высываться дальше дворика управы. Подозреваю, на нас объявлена охота. Кому-то нужно уничтожить всех некромантов в округе. Мое прибытие помешало им убрать вас руками мертвых. Теперь в ход пошли манипуляции живыми, против которых мы бессильны.

– Но зачем? – недоумевала Ольга. – От нас никакого вреда кроме пользы.

– Что для одних польза, для других вред, – изрек наш босс. Не признать его правоту было невозможно. Дознатели, к примеру, придерживаются закона: ищи, кому выгодно. Так кому выгодно истребить всех местных некромантов? И это ли их истинная цель?

Глава 5

За окном понемногу вечерело. Тени медленно, но неотвратно наползали на пол, мебель, стены и на притаившихся в небольшом кабинете людей. Было настолько тихо, что мы слышали дыхание друг друга. И тишина казалась настолько неестественной, что в душе против воли зарождалась паника. Однако долго оставаться в таком напряжении становилось невозможно, поэтому Арион негромко откашлялся, привлекая к себе внимание. Мы резко дернулись, а Ольга даже взвизгнула и тут же закрыла рот кулаком, вогнав его почти по самое запястье. Кэвин хранил молчание, но в глазах плескался страх. Наш начальник, хоть и выказывал признаки тревоги, в то же время являлся для нас той соломинкой, за которую хватаются утопающие. Он же первым за несколько часов заговорил:

– Мы сегодня заночуем здесь. Я понимаю, что данное здание не приспособлено для круглосуточного пребывания, как в более крупных городах, но у нас нет выхода. Спать будем по очереди, да и сомневаюсь, что нам удастся спокойно уснуть.

– Мне удастся, – поспешно возразил Кэвин, – что бы ни случилось, я сплю, как убитый...

– Очень скоро тебе не придется добавлять «как», – нервно хихикнула Ольга. Я сочувствующе смотрела на белокурую черноглазую девушку, которая в приступе нервозности обхватила себя руками и раскачивалась взад и вперед. При этом ее губы непрерывно беззвучно шевелились. Когда я говорю «черноглазую», то здесь следует понимать буквально – глазное яблоко у нее было полностью черным – белки отсутствовали напрочь. Поэтому первое время она мне казалась потусторонней сущностью, но очень скоро я привыкла и перестала обращать внимание.

Теперь нужно вернуться буквально на пару часов назад, когда шеф первым услышал топот десятков ног на нашем заднем дворе. Внутрь без пропуска (хотя бы одноразового) войти нельзя. Не пропустит магическая защита. Одаренному магу и любому некроманту этот барьер, что слону дробина, но большинство людей его не в сила преодолеть без разрешительного документа. Вот только они и не думали входить. В полном молчании живые горожане обступали стены управы, даже не переговариваясь между собой. Самое ужасное, что большинство из них нас знали, даже здоровались при встрече, а с некоторыми мы и вовсе дружили. Угрюмый столляр, держащий за руку пятилетнюю дочурку, ремонтировал мой табурет, а Трошка вылечил его девочке сильнейший кашель своими травами, иначе малышка утасла бы меньше, чем за год... Базарная торговка в расшитой красно-желтыми цветами широкой юбке нередко приносила под окна нашей управы свой товар, приговаривая, что проклятые умертвия не дают нам поесть спокойно, а теперь она молча стояла в этой самой юбке, с ненавистью сверля глазами окна кабинета Ариона. Старый молочник Захар нередко гонял свою Пеструшку через кладбище, при встрече всегда нам кланялся и несколько раз сообщал, если кто-то из покойников оказывался беспокойным, а нынче маячил под нашими стенами с самым неприязненным выражением лица, которое только можно было вообразить. Самой последней пришла... Милена. Она держала на руках своих годовалых дочерей, которые единственные выражали какие-то понятные эмоции – дети были напуганы, жались к матери и хныкали, очевидно от голода, а сама Лена внезапно сорвалась на крик:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.